

Костомаров Николай Иванович

**Мысли о федеративном
начале в древней Руси**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович К.**
Мысли о федеративном начале в древней Руси / Костомаров Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 38 с.

ISBN 978-5-519-90619-7

ISBN 978-5-519-90619-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

торенными иѣсколько разъ преступленіями своихъ жителей навлекаеть на себя отъ соесѣдей дурную славу; всѣхъ его жителей на-голо прозываютъ ворами, конокрадами, плутами, и тому подобными названіями, и то же названіе идетъ изъ рода въ родъ. Въ древности, подобные случаи не ограничивались только однимъ оскорбительнымъ прозвищемъ, но раздражались кровавыми столкновениями, которыя раздували болѣе и болѣе вражду и укореняли между ними взгляды, мѣшавшіе имъ соединиться.

Историческія обстоятельства не доставляли средствъ къ слитію и изглаженію племенныхъ разностей. Вліянія иноплеменныхъ народовъ дѣйствовали на Славянъ разъединительнымъ способомъ. Иноплеменники одни за другими нападали, покоряли себѣ Русскихъ Славянъ, обыкновенно владѣли ими не долго и уступали въ свою очередь власть надъ ними другимъ. Такимъ образомъ подчиняли Славянъ то Обры, то Болгаре, то Хазары, то Норманны. Но попадали подъ чуждую власть не всѣ Славяне разомъ и не однимъ, для всѣхъ ихъ, завоевателямъ. Такъ, предъ пришествіемъ Рюрика, на Сѣверѣ властвовали одни пришельцы — Норманны, на Югѣ другіе — Хазары, а Югозападная часть оставалась, какъ видно, независимую, но не избѣгала столкновения съ пришлыми племенами.

Съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшихъ, на югѣ Русскаго материка бродили кочевья опустошительныя орды, смѣняя одна другую, и если были иногда слабы, для того, чтобы поработить Славянъ, то всегда препятствовали ихъ соединенію между собою. Впослѣдствіи показалось ясно, какъ Печенѣги, Торки, Половцы, Ятвяги препятствовали на Руси развитію правильному гражданскому строю и образоваться прочнымъ государственнымъ связямъ. Та же судьба постигала Южный край и древле. Различныя событія въ странахъ Русскаго міра возбуждали различные интересы и тяготѣнія. Если бѣдствія препятствуютъ политическому и гражданскому успѣху, то общее горе сближаетъ людей и въ отдѣльныхъ личностяхъ и въ массахъ. Нужно только, чтобъ это горе охватывало одинакимъ образомъ какъ-можно-большую массу, на столько многочисленную и сильную, чтобъ она могла противодѣйствовать. Когда народности Русскаго материка подпали рабству Готтовъ, понятно, что появленіе въ Приволжскихъ степяхъ шайки Гунновъ могло поднять всѣми пластами поработенные народы, но силъ къ устроенію чего-либо прочнаго, своего, на мѣсто чуждаго ига, не доставало Славянамъ или, по крайней мѣрѣ, не доставало на столько, чтобъ воспротивиться препятствующимъ обстоятельствамъ: для этого нужно было время и постепенный укладъ понятій о гражданской самостоятельности. А Славя-

намъ не было времени передумать это. Держава Гунская распалась отъ своей огромности и отъ разновидности народныхъ частей, изъ которыхъ она сложилась. Племена, ее составлявшія, потерявъ временную взаимную связь, стали терять другъ друга, и Восточные Славяне снова разбились на отрывочныя части, и возникъ снова прежній образъ раздѣльности, и рядъ родовыхъ междоусобій, и столкновенія народовъ съ чужеземцами безъ взаимной связи съ единоплеменниками. Для соединенія племенъ нужна какая-нибудь высшая сила, вызывающая противоѣдѣствіе; но тогда необходимо, чтобы эта высшая сила могла овладѣть многими, если не всеми, племенами, и палечь на такую массу народа, которая была бы въ состояніи испровергнуть тяготящее начало, чтобы такимъ образомъ, эти племена могли имѣть общую цѣль. Это, дѣйствительно, и случилось въ IX вѣкѣ, но только на одномъ Сѣверозападѣ Русскаго материка и, слѣдовательно, не на столько, чтобы дать всему Восточно-Славянскому міру скорый переходъ къ единобытности. Въ IX вѣкѣ, Славяне на югѣ и въ средней Руси покорили Хазары; сѣверныя страны покорили Норманны. Власть Хазарь была слишкомъ мягкой, и не возбуждала противъ себя энергическаго движенія; — Славяне не оченъ, какъ видно, дорожили этою иноплеменною опекою, когда такъ легко отдались Руссамъ, но и не тяготились ею до того, чтобы вооружиться и жертвовать жизнью. Когда Руссы двинулись для подчиненія народностей, то, по извѣстію лѣтописца, не спрашивали у народовъ, которыхъ встрѣчали: свободны ли вы, или даете кому-нибудь дань? а просто: кому дань даете? Конечно, ни лѣтописецъ, ни тотъ, у кого лѣтописецъ почерпнулъ это извѣстіе, не слышали, какъ Руссы спрашивали объ этомъ Славянъ, но выраженный такимъ способомъ рассказъ показываетъ, что въ убѣжденіи писавшихъ лѣтописъ, для этихъ Славянскихъ народцевъ въ оное время было какъ-то немислимо существовать не давая дани. Подобныя понятія можно встрѣтить теперь и у Черемисовъ, или у Сибирскихъ инородцевъ. Они знаютъ, что даютъ дань Русскому государю, сознаютъ, что можно давать дань еще и другому такому же государю; но имъ покажется неудобовразумительно—не платить никому дани, потому-что ихъ сознаніе о своей народности или не достигло до представленія объ образованіи изъ себя самостоятельнаго общества, или отвыкло отъ такого представленія, если, быть можетъ, оно и было у нихъ прадѣдовъ. Такъ и Славяне Русскіе легко отдались пришельцамъ, потому что были подъ властью другихъ чужеземцевъ. Напротивъ, труднѣе приходилось киянскимъ Рюрикова дома справиться съ Улучами, Тиверцами, Древлянами, испод-

павшими, какъ видно, подъ Хазарскую державу. Не скоро можно было подчинить и Вятичей, хотя они и считались въ числѣ данниковъ Хазарскихъ, но живи не на проходной дорогѣ, какъ Поляне, сохраняли болѣе своеобытности; самое подданство Хазарамъ для нихъ было, вѣроятно, болѣе номинальное. Новая власть, Русская, была тягостнѣе Хазарской: это доказывается упорнымъ сопротивленіемъ Радимичей и Вятичей противъ Кіевскихъ князей, тогда какъ, по видимому, эти народы спокойно оставались подъ властью отдаленныхъ Хазаръ. Но эта новая власть Руссовъ не могла возбудить противъ себя единомышленнаго и плодотворнаго противодѣйствія покоренныхъ народовъ. Она была не до такой степени отяготительна, чтобы породить въ народахъ сильное противъ себя ожесточеніе и заставить ихъ соединить свои общія силы для освобожденія. Русскіе князья ограничивались только сборомъ дани, такъ называемымъ *полюдьемъ*. Дань эта и способъ ея собиранія могли быть то легче, то обременительнѣе, смотря по личности князя или дружинныхъ начальниковъ, но не падали на народы тягостію постояннаго управленія, введеніемъ чужихъ обычаевъ, внимательствомъ въ ихъ домашній дѣла. Обязанный платить дань, каждый народъ не выходилъ изъ колеи обычаевъ дѣдовскаго быта. Онъ не былъ осужденъ постоянно имѣть предъ глазами княжескихъ мужей, и вообще власть князей дѣйствовала издали; они со своими дружинами появлялись, какъ гроза, ежегодно за данью, хватали что успѣвали, дни ихъ посѣщенія могли быть для народа недобрыми днями, но днями короткими; князьямъ нужно было объѣздить много пространства; останавливаться долго на одномъ мѣстѣ было некогда. Уѣзжалъ князь—и народъ оставался себѣ на произволъ, не видалъ надъ собою отяготительнаго ярма, и скоро забывалъ нашедшую на него тучу до новаго ея появленія. Притомъ же пришельцы покоряли Славянскія племена посредствомъ ихъ же самихъ. Такъ Олегъ, пока дошелъ до Кіева, то его ополченіе увеличивалось на пути свѣжими силами изъ вновь-подчиненныхъ. Иноплемennыхъ пришельцевъ, Руссовъ, было мало, и они слишкомъ скоро расплылись въ массѣ Полянъ, передавши имъ свое имя. Когда князья утвердились въ Кіевѣ, имъ кстати пришлось вражда Полянъ съ Древлянами, чтобъ покорить послѣднихъ. Конечно, тоже было и при подчиненіи другихъ племенъ; древнее преданіе о томъ, что возставалъ родъ на родъ, показываетъ, что между народами существовали искони частныя взаимныя непріязни.

Подчиненіе племенъ имѣло различный характеръ, смотря потому, въ какомъ отношеніи были подчиненные къ Полянамъ, составившимъ ядро

покоряющей силы. Такъ Олегъ обошелся челоѣколюбиво съ Сѣверянами, которые, какъ видно, будучи въ ближайшемъ сродствѣ съ Полянами, вѣроятно, не дожили до такой вражды, какая была у послѣднихъ съ Древлянами и которыхъ еще болѣе, вѣроятно, сблизила общая зависимость отъ Хазаровъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ наложилъ на нихъ дань легкую, а о Древлянахъ говоритъ, что Кіевскій князь *примучилъ* ихъ. Съ тѣхъ поръ Древляне еще нуждались въ укрощеніи, а на Сѣверянъ не дѣлалось нападеній. Должно думать, и между Полянами и Сѣверянами былъ уже такой взаимный народный взглядъ, который могъ со временемъ возбудить, при обстоятельствахъ, непріязненные отношенія: это дѣйствительно случилось, когда возникла борьба Ольговичей съ Мономаховичами; но въ древности, сколько можно догадываться, два народа не находились въ старинной враждѣ: и прежде будучи сосѣдями, знакомыми другъ другу близко, они были соединены подъ властію Хазаръ, и теперь, подъ властію Русскихъ князей, соединеніе съ Полянами было для Сѣверянъ не новость, а потому и у нихъ не было побужденія возставать противъ новой власти, если не было его у самихъ Полянъ, тѣмъ болѣе, что и дань, наложенная на Сѣверянъ, была легкая.

Такимъ образомъ, подчиненіе на одномъ концѣ Тиверцевъ и Улучей, а на другомъ — Вятичей и Радимичей, которые сопротивлялись долѣ другихъ народовъ, совершилось уже не такъ какъ прежде, а принимало видъ подчиненія ихъ не иноплеменнымъ Руссамъ, а Руси-Полянамъ, Кіеву, и Поляне-Русь здѣсь являются уже господствующимъ, завоевательнымъ племенемъ. И Радимичи съ Вятичами на одной сторонѣ, и Тиверцы съ Улучами на другой, не могли взаимно дѣйствовать противъ завоевательной силы, потому что были раздѣлены слишкомъ большимъ пространствомъ, и сообщеніе между ними перехватывалось границами завоевательнаго народа Руси-Полянъ, да смежнаго съ послѣдними — Сѣверянъ, и покоряемы были не въ одно время, да конечно и мало знали другъ друга, чтобъ завязать между собою сношенія.

Сѣверные народы, по отношенію къ первымъ русскимъ князьямъ, были въ другомъ положеніи, чѣмъ южные и средніе. Тамъ — избраніе, добровольный призывъ, здѣсь — завоеваніе посредствомъ одного изъ народовъ, съ которымъ слились пришельцы. Новгородцы остаются также свободными, какъ и прежде, и при Святославѣ выбираютъ себѣ князя добровольно. Кривичи были разъединены отъ Южной Руси и жили отдѣльнымъ міромъ; они не платили Кіевскимъ князьямъ дани, слѣдовательно, даже

и при условіяхъ большей близости, чѣмъ какая была на самомъ дѣлѣ, они не имѣли бы надобности оказывать содѣйствіе Древлянамъ, Тиверцамъ, Радимичамъ и Вятичамъ, когда эти народцы отстаивали свою независимость. Среди самыхъ подчиненныхъ народовъ возникли интересы, отношенія, связывавшія ихъ дружелюбно съ побѣдителями. Побѣдители приглашали ихъ въ свои ополченія, воевали съ ними Хазарь, потомъ Грековъ; они были участниками и добычи и военной славы. Въ тотъ вѣкъ было очень приманчиво такое занятіе; много находилось охотниковъ. Наконецъ князья, по удобоподатливости Литовской натуры, скоро и легко ослабѣли и потеряли, для подчиненныхъ племенъ, характеръ чужеродства. Послѣ этого перерожденія, уже невозможно было возстаніе Славянскихъ народовъ съ характеромъ противодѣйствія иноземному игу. А соединеніе Славянъ, при степени ихъ тогдашней образованности, только и могло случиться противъ чужеземнаго ига, ибо только такого рода иго могло быть одинаково для всѣхъ тягостно. Такого ига уже не чувствовалось; для Вятича или Радимича тягость была уже не отъ иноплемешниковъ, а отъ Руси-Полянъ, и отъ личности князей. Для Улучей и Тиверцевъ, близкихъ къ Полянамъ по народности, возстаніе противъ нихъ уже имѣло бы характеръ внутренняго междоусобія. Впрочемъ, если бы власть сосредоточивалась долго и постоянно въ Кіевѣ и тяготѣла деспотически надъ всѣми народами одинаково, то еще возможно было бы соединенное возстаніе нѣсколькихъ народовъ; тогда Тиверцы, Дулебы, Радимичи, Вятичи, Древляне, при какихъ нибудь благоприятныхъ обстоятельствахъ, устроившихъ между ними сношеніе, могли бы еще содѣйствовать другъ другу противъ насилія отъ Полянъ; но было не такъ: при верховной власти Кіева надъ народцами, въ каждомъ изъ послѣднихъ были свои князьки. Кіевъ, безъ нужды, не стѣснялъ ихъ внутренней самобытности. Довольно было съ него, если народы давали дань, и князьки ихъ состояли подъ рукою *великаго* Кіевского князя. Мало по малу эти частныя князьки были вытѣснены, упали въ своемъ значеніи, и достоинство ихъ заняли князья изъ пришлаго Кіевского Дома. Во внутренней жизни народа, отъ этого собственно, ничто не перемѣнилось; къ князьямъ они привыкли и прежде; у Древлянъ, при Ольгѣ, былъ какой-нибудь Малъ, потомъ сталъ княземъ членъ Рюрикава Дома. У Вятчей былъ свой князь Ходота; сталъ другой князь тоже изъ Рюрикова Дома. Эти князья усвоивали, конечно, и нарѣчіе края; они набирали себѣ дружины изъ уроженцевъ того же края, и перестали быть пришельцами для жителей страны, гдѣ княжили.

Сначала народы могли все таки чувствовать нѣчто чужое надъ собою, когда прѣзжалъ изъ Кіева князь или воевода собирать съ нихъ дань; но воззрѣніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ у этихъ народовъ явились особыя князья. Хотя они происходили изъ того же единого рода, который книжилъ въ Кіевѣ, но за то изъ Кіева уже не прѣзжалъ къ нимъ никто за данью. У Древлянъ и Дулебовъ былъ тогда свой князь, точно также какъ у первыхъ нѣкогда какой-нибудь Малъ; если онъ воевалъ съ Кіевомъ по своимъ родственнымъ отношеніямъ, то Древлянинъ, служившій въ его ополченіи, шелъ противъ Полянъ съ чувствомъ прежней непріязненности къ своимъ сосѣдямъ, или по крайней мѣрѣ съ остатками этого чувства. Если поставленіе у народовъ князей изъ единого рода, съ одной стороны, способствовало обобщенію самихъ народовъ, то съ другой — поддерживало и особенныя етихи. каждаго изъ нихъ; чѣмъ болѣе развѣтвлялись удѣлы, тѣмъ невообразимѣе казалось соединеніе противъ князей: народныя побужденія переплелись съ княжескими. Значеніе князя совпало съ народными убѣжденіями. Въмѣстѣ съ образованіемъ стремленій, порожденныхъ между князьями родовыми или семейными побужденіями, начали выцѣплять наружу слегка — подавленные стремленія народныя. Собственно князья, въ распредѣленіи своихъ волостей, не сообразовались строго съ народностями, не думали, чтобъ одинъ или другой изъ ихъ собратій владѣлъ тѣмъ или другимъ племенемъ. Когда Ярославъ дѣлитъ своимъ дѣтямъ волости, то говоритъ: одному Кіевъ, другому Черниговъ, третьему Переяславль, четвертому Владиміръ, пятому Смоленскъ; а не говоритъ: атому Полянъ, другому Древлянъ, третьему Вельшанъ, и такъ далѣе. Еще болѣе: Всеволодъ получаетъ Переяславль и вмѣстѣ съ нимъ Ростовъ, который не имѣетъ съ Переяславлемъ ни географическаго, ни этнографическаго сближенія. Народныя интересы сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчинились своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣнили свой характеръ, но за то и характеры княжескихъ отношеній сообразовались съ ними.

Прежняя мѣстная самобытность обозначалась въ томъ же, или приблизительно въ томъ же, порядкѣ; части начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другою. Правда, нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, за то докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитыя изъ меньшихъ. Такимъ образомъ, первая, выступившая самобытно наружу, была народность Славянъ Новгородскихъ, — потомъ Кривичей. Новгородцы, призвавшіе князей, какъ будто сирова-

дили ихъ отъ себя на Югъ и востокъ являются съ началами независимости и отдѣльности. Не теряя связи ни съ княжескимъ родомъ, ни съ остальною Русью, подъ управленіемъ лицъ одного рода, Новгородцы стали выбирать себѣ князей, изъ среды этого рода, по своему желанію, и такимъ образомъ начали свою самобытную исторію. Явились и развивались у нихъ интересы, имъ однимъ принадлежавшіе, подчинялись Чудскія племена имъ исключительно, а не всей Русской землѣ, развилось понятіе о волости Новгородской отдѣльно отъ прочихъ Русскихъ волостей, начали обозначаться болѣе или менѣе видныя границы. Выказываютъ свое самобытное существованіе и Кривичи, но это многочисленное племя не представляло вполне гармоніи поземельнаго единства. Одна часть ихъ, съ первенствомъ Полоцка, начинаетъ жить своеобразною жизнію, подъ властію—сперва Рогволода, потомъ—потомковъ перваго сына Владимірова; Земля ихъ, въ свою очередь, дробилась на мелкія княжества; не рѣдко эти части воевали между собою, но всегда сохраняли взаимное тяготѣніе, какъ части одной группы по отношенію къ другимъ частямъ Руси. Въ другой части Кривской земли, въ Смоленскѣ съ пригородами, образовалась другая половина, дробившаяся также на части, которыя всѣ вмѣстѣ составляли одну группу, одну Землю. Псковская народность составляла переходъ отъ Кривской къ Новгородской; здѣсь племя Кривичей смѣшалось съ племенемъ Ильменскихъ Славянъ; вѣроятно, въ незапамятной древности Славяне—пришельцы съ Дуная, поселялись тамъ между старожилами Кривичами и дали начатокъ смѣшанной переходной народности. Псковская Земля, со своими пригородами, сначала составляла часть Новгородской Земли, но народность ея имѣла свои отличія и, потому, залогъ собственнаго самосуществованія; она не примкнула къ Землѣ Полоцкой, ибо уже отошла отъ чистой Кривской народности, но держалась слабо въ единствѣ съ Новгородскою, стремилась къ отдѣльной жизни и въ послѣдствіи достигла этого. До сихъ поръ нарѣчіе Псковское есть переходъ отъ Бѣлорусскаго къ Новгородскому; точно также Смоленское есть, переходъ отъ того же Бѣлорусскаго къ среднему Великорусскому говору. Зачатки народныхъ особенностей по нарѣчіямъ, вѣроятно, существовали и въ отдаленной древности на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь, хотя бы и не въ тѣхъ видахъ. Незвѣстно, когда Смоленская Кривская Земля сформировалась въ удѣльномъ укладѣ,—съ Мстислава ли Владиміровича съ котораго княженіе Смоленское осталось навсегда у его дѣтей, или прежде, потому что и посаженіе князей Вячеслава и Игоря, и присоединеніе его къ Переяславскому княженію суть явленія случайныя

скоропреходящія, и не показываютъ народной зависимости отъ другаго края. Народная жизнь шла своимъ путемъ, былъ ли такъ или иначе соединенъ или раздѣленъ край административно; прочность и вліяніе административныхъ отношеній, въ то время слабо скользящихъ по народному быту, могли быть дѣйствительными только тогда, когда они сливались съ народными побужденіями. Смоленскіе Кривичи, какъ и прежде, до пришествія Рюрика (что доказывается неучастіемъ ихъ съ Новгородцами и другими Кривичами въ призваніи князей и въ приступленіи къ этому сѣверному союзу при Олегѣ), жили своею жизнью, отличною отъ другихъ Кривичей. Въ XII вѣкѣ, однако, Смоленскъ показывалъ болѣе живой связи съ остальною Русью чѣмъ другіе Кривичи и Новгородъ, гдѣ связь эта была слабѣе. Во всей остальной Руси обозначается своеобразное натуральное направленіе жизни съ половины XII вѣка, то есть, когда послѣдовало ослабленіе связующей власти, и чрезъ то самое ощутительнѣе выступили наружу существовавшія и прежде народныя начала. Но мы не въ правѣ думать, что формы отдѣльных народностей тогда и возникли, когда являются на политической сценѣ и оказываютъ признаки самостоятельности по извѣстнымъ намъ лѣтописнымъ сказаніямъ. Въ этотъ вѣкъ княжескіе подѣлы и разграниченія, чрезъ самое свое раздробленіе, стали въ уровень съ этнографическими подѣлами и подчинились народнымъ началамъ, а потому послѣднія и выказываются уже ощутительнѣе, но онѣ самымъ дѣломъ существовали и прежде; ибо ихъ слѣды слишкомъ видны и раньше. Такимъ образомъ, хотя съ половины XII вѣка яснѣе выказывается самобытность Черниговской и Новгородъ-Сѣверской Земель, однако эта самобытность виднѣется уже и прежде, при большей крѣпости связующаго уклада. Половину XII вѣка можно считать только эпохою соединенія княжескихъ побужденій съ народными и обозначенія формъ, которыя сами собой, свободно, должны были, по этнографическимъ причинамъ, явиться въ частяхъ Русскаго края, какъ только ослабнутъ препятствовавшія ихъ явленію связи. Но отнюдь то не была эпоха порожденія народныхъ стихій, которыя облекались въ эти формы. Дѣленіе по княженіямъ, въ этомъ случаѣ, уступало натуральному дѣленію по родамъ. Дѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ нашло предѣлъ своему безконечному развѣтвленію; народности указали ему границы: дѣленіе продолжалось, но уже новыя вѣтви держались связи между собою въ такихъ кругахъ, какіе указывали имъ народности. Такимъ образомъ, на Волынѣ было множество князей и, слѣдовательно, княженій, какъ и въ Бѣлоруссіи, или въ Кривской Землѣ, но эти княженія были, по мѣстности, непостоянны, измѣ-

няли свои предѣлы, то здѣсь, то тамъ появлялся князь, но единица Волынской Земли, единица Кривекой Земли, оставались однѣ и тѣ же и всѣ князья одной Земли между собою всегда въ тѣснѣйшей связи: ихъ княженія имѣли смыслъ одной группы владѣній, одного нераздѣльнаго, образованнаго внутреннимъ единствомъ, округа. Понятіе о Землѣ обнимало ту или другую Русскую народность въ извѣстномъ пространствѣ, по ея размѣщенію на этомъ пространствѣ. Оно выразилось въ жизни признаніемъ первенства главнаго города и тянувшихъ къ нему пригородовъ; оно связывалось цѣпью взаимнаго народнаго управленія, независимо отъ княжескаго. Въ томъ или въ другомъ пригородѣ появлялся одинъ и другой князь, бралъ свои пошлины, набиралъ себѣ дружину и оборонялъ городъ и принадлежащую къ нему территорію отъ непріятелей, но въ земскихъ дѣлахъ пригороды тянули къ городу, — какъ говоритъ лѣтописецъ: *что старѣйшіе здумаютъ, на томъ пригороды станутъ*. Къ каждому пригороду тянула волость, состоявшая изъ селъ, находившая себѣ оборону въ силахъ города. Всѣ города тянули къ главному городу. Это составляло Землю. Это-то сознаніе Земли выражается въ актахъ, словами: *Русская Земля, Полоцкая Земля, Ростовская Земля, Новгородская Земля*. Въ томъ же значеніи дается это названіе и чуждымъ соседнимъ странамъ.

Такимъ образомъ, послѣ показанныхъ нами, отдѣленныхъ уже заранѣе, Славянъ Ильменскихъ подъ видомъ Великаго Новгорода, — Кривичей, въ видахъ Земель: Смоленской и Полоцкой со всею зависимою отъ понятія о Землѣ системою Бѣлорусскихъ княженій, и наконецъ переходной Псковской народности съ территоріею, прилегавшею къ озеру, — мы встречаемъ среднюю Великорусскую народность въ двухъ отдѣлахъ, составившихъ понятія о Земляхъ: Землю Ростовско-Суздальскую и Землю Вятскую (Вятичей). Между народностями ихъ должно было издревле существовать различіе. Въ Ростовско-Суздальской Землѣ Славянское населеніе, вѣроятно, наплывало туда изъ Новгородской Земли, посунулось изъ соседней Вятской и дополнилось переселенцами съ Юга, которые шли туда въ толпахъ княжескихъ дружинъ, по раздѣленіи Русскаго міра на отдѣльныя княженія. Эти Славянскіе пришельцы смѣшались съ туземцами Восточно-Финскаго племени, и изъ такой смѣси образовался Великорусскій народъ. Самобытность этой Земли ясно обозначается въ лѣтописяхъ съ половины XII вѣка. Земля Вятичей раздѣлялась въ этнографическомъ отношеніи на двѣ вѣтви: Восточную или Рязанскую, и Западную, населявшую берега Оки съ ея притоками, была соединена, по княжескому упра-

влєнію, съ Сѣверскою Землею, но потомъ, когда попущена была свобода народнымъ элементамъ, она начала выдѣляться и приняла естественное очертаніе. Рязань стала центромъ, около котораго группировались другія части.

На юго-западъ отъ Земли Вятской мы встрѣчаемъ Землю Сѣверскую, которая также раздѣлялась по народностямъ на двѣ половины: Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую. До нашего времени этотъ народъ остался со своими чертами, напоминающими древнее самораздѣленіе его. Нужно только взглянуть пристальнѣе въ народные черты уѣздовъ: Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго и другихъ Задесенскихъ, до самаго Чернигова: по нарѣчію, по образу жизни, даже по физической структурѣ, народъ этотъ составляетъ средину между Южнорусскимъ, Великорусскимъ и Бѣлорусскимъ. Сѣверія составляла, въ удѣльный періодъ, самобытное цѣлое, но болѣе имѣла тяготѣнія къ Югу, чѣмъ къ Сѣверу.

Обширная и разнообразная Южно-русская народность, въ удѣльный періодъ, обособилась системою частей, образующихъ одну Землю. Древніе Поляне образовали два княженія: Русское и Переяславское, но народность ихъ была одна, и потому Переяславль съ Кіевомъ всегда составлялъ одно тѣло, одну связь, и самые князья, тамъ сидѣвшіе, подчинялись единству народности въ своихъ стремленіяхъ. Переяславскіе князья не могли принять направленія, чтобъ обособиться отъ Кіева, какъ другіе, княжившіе среди народностей, болѣе отдаленныхъ отъ народности Русской, иначе — народности Полянъ. Другой видъ Южно-русской народности былъ — Древлянскій — Полѣсье, народность Полѣщуконъ, существующая и теперь, но, послѣ древняго погрома отъ Полянъ, не развившаяся до такой степени, чтобъ начать свое самобытное существованіе въ отдѣльности отъ прочихъ частей Южной Руси. По близости къ Полѣсью на Западъ, означалась Волынская земля съ своими подраздѣленіями и княженіями; земля Улучей — Подоль — приняла образъ самобытности въ системѣ княженій бологовскихъ князей, о которыхъ, къ сожалѣнію, извѣстно слишкомъ мало, но и того достаточно, чтобы видѣть, что въ этомъ краѣ также было народное стремленіе къ самобытнымъ проявленіямъ жизни. Тиверцы на Днѣстрѣ и Хорваты въ Червонной Руси по границамъ къ Карпатамъ, вѣроятно, близкія между собою вѣ... л, явились въ политическомъ образѣ частнаго княженія, подобно Землѣ Кривской, и эта земля оказала очень явное стремленіе къ большому, противъ многихъ другихъ земель, обособленію, хотя не теряла окончательной нравственной связи съ Русскимъ міромъ, до самого выступленія своего изъ него. Поляне, Улучи,